ОПАСНОЕ ЗНАНИЕ
ДЖОРДЖ СОРОС
«ФОНД» ДЛЯ РОССИИ
ЧТО БЫЛО, ЧТО БУДЕТ

Джордж Сорос

«Фонд» для России. Что было, что будет

Серия «Опасное знание»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11953768
Джордж Сорос. «Фонд» для России. Что было, что будет: Алгоритм; Москва; 2015
ISBN 978-5-906798-99-2

Аннотация

Деятельность Джорджа Сороса, американского финансиста, одного из богатейших людей планеты, вызывает неоднозначную оценку в разных странах и различных кругах общества. Он сыграл важную роль в падении коммунистических режимов в Восточной Европе в ходе «бархатных» революций 1989 года; в России в 1990-е годы Сорос во многом определял ход реформ. Влияние Сороса в мире очень велико и теперь.

В книге, представленной вашему вниманию, Джордж Сорос пишет о кризисе, который переживает Россия. Сорос утверждает, что санкции против России в совокупности с падением цен на нефть нанесли громадный ущерб российской экономике, но это еще не предел. «Будет неудивительно, если этот кризис приведет к дефолту в России», – предрекает он.

Комментарии дает В. Ю. Катасонов, профессор МГИМО, доктор экономических наук, известный писатель и публицист.

Содержание

Предисловие 5
Крах Советского Союза 7
«Фонд открытого общества» и крах коммунизма 7
Советский Союз был кредитоспособным 24
Кризис в России 29
Экономика России похожа на безголового осьминога 29
Конец ознакомительного фрагмента. 31

Джордж Сорос
«Фонд» для России. Что было, что будет

© Сорос Дж. (Soros G.), 2015
© Перевод с английского
© ООО «ТД Алгоритм», 2015

Предисловие

Образец спекулянта и пророк «посткапитализма», финансист и философ, Джордж Сорос одновременно вызывает ужас и восторг. Он владеет состоянием в 7 миллиардов долларов, ответствен за фондовые кризисы и занимается меценатством в пяти десятках стран. Одновременно он участвует в многочисленных сменах режимов, при этом его обвиняют, что он действует в качестве ширмы для ЦРУ.
Тьерри Мейсан

Джордж Сорос родился в Будапеште 12 августа 1930 году в еврейской семье, отец Джорджа был адвокатом. Во время Второй мировой войны благодаря фальшивым документам, изготовленным отцом, семья Сороса избежала преследования нацистами, а в 1947 году эмигрировала в Англию.

Одни из первых работ будущего миллиардера были: продавец, помощник менеджера, коммивояжер. В 1953 году Джорджу наконец улыбнулась удача: он стал директором инвестиционной компании Singer & Friedlander. Фирма торговала акциями золотодобывающих компаний.

В 1956 году Сорос приехал в США по приглашению отца его лондонского друга, некого Майера, который имел свою небольшую брокерскую фирму на Уолл-стрит. Карьера в США началась с международного арбитража, то есть покупки ценных бумаг в одной стране и продажи их в другой. В 1966 году Сорос создал инвестиционный фонд с капиталом в 100 тысяч долларов. Получив значительную прибыль за три года работы, в 1969 году Сорос становится руководителем и совладельцем фонда «Дабл Игл», переросшим впоследствии в знаменитый «Квантум» (Quantum Fund).

Самая известная финансовая операция Дж. Сороса была проведена в 1992 году против британского фунта стерлингов. Для Англии эта операция закончилась потерей свыше одного миллиарда долларов, девальвацией фунта. Европа же отделалась девальвацией дюжины европейских валют и отсрочкой введения единой евровалюты, которое отложили… на 5 лет.

Многие экономисты считают, что к кризису 1995 года в Мексике тоже приложил свою руку Дж. Сорос, может и не в качестве главного игрока, а только вдохновителя и организатора.

В 1996 году очень удачная валютная операция была проведена с японской иеной. Сорос воспользовался фундаментальными противоречиями японской экономики: с середины 1995 года иена начала стремительно расти по отношению к доллару – с 128-и до 78-и иен за доллар к лету 1996 года. Сорос предугадал скорую девальвацию валюты и получил громадную выгоду (он покупал на доллар 110–120 иен, а выкупал доллары уже за 80–90 иен, в результате сорвал солидный куш: 20 % дохода с суммы в 15–20 миллиардов долларов).

В августе 1998 г. после публикации в газете «Файнэншл таймс» статьи Сороса о необходимости девальвации рубля, – российский рынок отреагировал почти мгновенно, в России случился дефолт.

В декабре 1999 года «Квантум» сыграл на повышение индекса NASDAQ, и к февралю 2000 года активы фонда выросли с 6 до 10,5 миллиардов долларов.

В одном из своих интервью, в мае 2003 года, Сорос признался, что начал играть против доллара, заодно предсказав, что к концу года курс американской валюты по отношению к евро падет до отметки 1,25. В самом конце декабря курс EUR/USD действительно достиг этого уровня.

Фонд «Квантум», возглавляемый Джорджем Соросом, принес самую большую прибыль за всю историю существования хедж-фондов. С момента основания фонда в 1973 году вкладчики «Квантум» получили в общей сложности 32 миллиарда долларов (по 900 миллионов долларов в год).

Сегодня Джордж Сорос известен не только как финансист, но и как филантроп. Созданный им фонд Open Society Fund стал началом его благотворительной карьеры. На сегодняшний день, более чем в 25-и странах успешно работают финансируемые им благотворительные организации. В научных кругах Сорос известен также как социальный мыслитель, автор ряда книг и статей, для которого основополагающей ценностью и центральной идеей является становление открытого общества в посткоммунистическом мире.

Сорос по-прежнему очень внимательно следит за мировой экономикой и вносит свои предложения по ее усовершенствованию. Однако эта работа явно противоречит его практике – разорению компаний и экономик целых стран. В 1997 году в период азиатского финансового кризиса тайские националисты окрестили Сороса «экономическим военным преступником».

Крах Советского Союза

«Фонд открытого общества» и крах коммунизма (из книги Дж. Сороса «Советская система: к открытому обществу»)

В настоящий момент человечество переживает решающий, поворотный момент в своей истории. Политическая карта мира, сложившаяся после Второй мировой войны, радикально перекраивается. Процесс, который набирал обороты на протяжении десятилетий, ускорился настолько, что его можно назвать революцией. События разворачиваются так быстро, что за ними трудно уследить.

Уничтожение старой (советской) системы – вопрос более или менее решенный. Сейчас решается, какой быть новой. Удастся ли заменить старые структуры новыми, чтобы различные национальности могли жить в мире – как дóрые соседи вместе, на одной земле? Или, может, распад будет продолжаться до тех пор, пока не выльется в гражданскую войну?

К сожалению, если процесс пойдет по линии наименьшего сопротивления, последнее весьма вероятно.

Чтобы создать новую систему, необходимы время и силы, а и того, и другого мало. Я твердо убежден, что только deus ex machina в виде помощи с Запада может сместить чашу весов в сторону конструктивного решения. Этим убеждением я руководствовался в своих действиях.

Степень моего участия в историческом процессе, о котором я здесь говорю, увеличивалась по мере его нарастания. Я начал с робких попыток проковырять небольшие трещины в монолитной структуре коммунистической системы, исходя из убеждения, что для косной структуры даже маленькая трещина может иметь значительные последствия. По мере того как трещины углублялись и расползались по монолиту, я увеличивал усилия, пока эта работа не стала занимать большую часть моего времени и сил…

* * *

Прежде чем перейти к дальнейшему изложению, я должен вкратце информировать о своей деятельности. Я не могу гарантировать историческую точность всех деталей, особенно дат, потому что намеренно не вел никаких записей, сознательно письменно не фиксировал события. Меня больше интересовало то, что я делал, чем созерцание того, как я это делаю. Я почувствовал здесь ловушку для себя и постарался ее избежать. Может быть, поэтому у меня ужасная память. Такое впечатление, что я обучил себя смотреть вперед, а не назад.

Я начал заниматься благотворительностью, когда был преуспевающим менеджером одного международного инвестиционного фонда и зарабатывал денег больше, чем мог потратить. И я начал думать, что мне с этими деньгами делать. Идея основать фонд мне нравилась, потому что мне всегда казалось, что обязательно нужно делать что-нибудь для других людей, если позволяют средства. Я был убежденным эгоистом, но считал, что преследование только собственных узких интересов – слишком мелко для моего довольно раздутого «я». По правде сказать, меня с детства достаточно сильно одолевали какие-то мессианские фантазии. Я всегда понимал, что должен не давать им особенно овладевать собой,

чтобы не оказаться в психушке. Но когда я уже твердо встал на ноги, мне захотелось в меру своих финансовых возможностей позволить себе удовольствие осуществить некоторые из этих фантазий.

С самого начала мне пришлось столкнуться с некоторыми трудностями. Еще когда я пытался выбрать какое-нибудь благородное дело, на которое стоило бы потратить деньги, то вдруг обнаружил, что не принадлежу ни к какой общине. Американцем я так и не стал, из Венгрии давно уехал, а еврейское мое происхождение было для меня просто еврейским происхождением, не выражаясь в той верности роду, которая побуждала бы меня помогать Израилю. Напротив, я гордился тем, что принадлежу к национальному меньшинству, что являюсь аутсайдером, который способен встать и на другую точку зрения.

Способность критически мыслить и не быть зашоренным – была единственной положительной стороной в моем опасном и унизительном положении венгерского еврея во время второй мировой войны. Я понял, что всей душой поддерживаю концепцию открытого общества, в котором такие люди, как я, могут жить свободно, не подвергаясь оскорблениям и безжалостным гонениям. Поэтому свой фонд я назвал Фондом открытого общества. У него следующие цели: поддерживать жизнеспособность и стабильность открытых обществ и помогать открывать закрытые общества.

Я был довольно скептически настроен относительно благотворительной деятельности. Время, когда я был нищим студентом в Лондоне, не прошло для меня бесследно. Я обратился тогда к Еврейскому совету попечителей с просьбой о денежной помощи, но они мне отказали, объяснив, что помогают только тем, кто осваивает какое-нибудь ремесло, а студенты к этой категории не относятся. Однажды на Рождество я подрабатывал носильщиком на вокзале и сломал ногу. Я решил, что это тот самый случай, когда можно вытянуть деньги из этих типов. Я сказал им, будто работал нелегально, когда сломал ногу, а поэтому не имею права воспользоваться «государственным вспомоществованием». В этом случае у них не было оснований отказать мне, но уж помучиться они меня заставили. Мне пришлось каждую неделю подниматься на третий этаж на костылях, чтобы получить эти деньги. Через некоторое время они отказались мне выплачивать пособие. Я послал председателю совета попечителей душераздирающее письмо, в котором написал, что, конечно, с голоду не умру, но мне обидно, что евреи так относятся к своему собрату, попавшему в беду. Председатель обещал, что мне будут посылать еженедельное пособие по почте и мне не надо будет ходить за ним. Я милостиво согласился, и даже когда с ноги сняли гипс, и я успел смотаться автостопом на юг Франции, я все не спешил отказываться от денег совета.

* * *

Я много вынес из этого эпизода моей жизни, и, когда основал собственный фонд, этот опыт сослужил мне хорошую службу. Я понял тогда, что задача заявителя – выудить деньги из фонда, а задача фонда – этих денег ему не дать. Еврейский совет попечителей провел всестороннее и тщательное расследование относительно меня, но проморгал тот факт, что я получал также деньги от Управления по оказанию государственного вспомоществования. Именно это позволило мне принять такой тон морального негодования в моем письме к председателю, хотя на самом деле я ведь лгал. Я также обнаружил, что благотворительность, как и все остальные человеческие предприятия, может иметь непредвиденные и нежелательные последствия. Парадокс, связанный с благотворительностью, заключается в том, что она превращает получателей, вроде моего друга, в объекты благотворительности. Этого можно избежать двумя путями. Один – это предельно бюрократизироваться, как Фонд Форда, а другой – вообще не давать о себе знать: раздавать гранты, не заявляя о своем существовании, не объявляя никаких конкурсов, – оставаться анонимом. Я выбрал второй путь.

Свою благотворительную деятельность я начал в Южной Африке, в Кейптаунском университете, который я выбрал как организацию, приверженную идее открытого общества. Я учредил стипендии для студентов-черных, причем достаточно много, так что это было ощутимо для университета. Однако этот проект не оправдал моих ожиданий, потому что администрация университета оказалась не такой радикальной, как она заявляла, и мои деньги большей частью пошли на помощь уже принятым в университет студентам и лишь частично для привлечения новых студентов. Но, по крайней мере, вреда это не принесло.

В то время я занимался также проблемой прав человека в качестве члена и спонсора групп наблюдения за соблюдением соглашения в Хельсинки. Мой только что созданный Фонд открытого общества предложил ряд стипендий в Соединенных Штатах инакомыслящим интеллектуалам из Восточной Европы, и именно эта программа натолкнула меня на мысль организовать фонд в Венгрии. Очень скоро мы столкнулись с проблемой отбора кандидатов. Мы вынуждены были основываться на устных рекомендациях, что, конечно, не самый справедливый путь. И тогда я решил попробовать создать отборочную комиссию в Венгрии и учредить открытый конкурс. Я обратился к послу Венгрии в Вашингтоне, который связался со своим правительством, и, к моему величайшему удивлению, мне было дано разрешение.

Когда я поехал в Венгрию вести переговоры, в моем распоряжении было «секретное оружие»: стипендиаты Фонда открытого общества горели желанием помогать. Со стороны правительства моим партнером на переговорах был Ференц Барта, который занимался внешнеэкономическими отношениями. Он относился ко мне как к бизнесмену-эмигранту, которому он очень хотел оказать услугу. Он свел меня с руководством Академии наук Венгрии, и вскоре мы заключили соглашение между академией и только что созданным Фондом Сороса в Нью-Йорке (мы решили, что название «Фонд открытого общества» может вызвать нежелательную реакцию). Был учрежден совместный комитет с двумя сопредседателями: одним из них стал представитель академии, другим – я. В комитет вошли независимо мыслящие венгерские интеллектуалы, чьи кандидатуры были одобрены обеими сторонами. Обе стороны получили право налагать вето на любое решение комитета. Также предполагалось создать независимый секретариат, который должен был функционировать под эгидой академии.

Мне очень повезло с помощниками. Я сделал своим личным представителем Миклоша Васарелия, который был пресс-секретарем в правительстве Имре Надя в 1956 году и который был осужден вместе с ним. Он тогда работал научным сотрудником в одном академическом институте и хотя официально войти в комитет он не мог, ему разрешили быть моим личным представителем. Это был один из старейших политических деятелей неофициальной оппозиции, но в то же время он пользовался уважением аппарата. У меня также был очень хороший юрист, Лайош Дорнбач, безраздельно преданный нашему делу, как и ряд других людей, которые понимали назначение фонда даже лучше, чем я…

Не мне оценивать социальную и политическую важность фонда. Я могу представить только субъективное суждение. Наш успех превзошел мои самые смелые мечты. Получилась действенная, без сбоев работающая организация, полная энергии и решительности. По окончании организационного периода мне не приходилось тратить на нее много времени; она работала сама по себе. Было очень приятно принимать решения, зная, что они будут выполнены. Еще большим удовольствием было случайно узнавать о каких-то хороших делах, которые фонд делает без моего ведома. Однажды, по дороге из Будапешта в Москву, я разговорился с цыганом, который сидел рядом со мной в самолете. Я был поражен его необычайной образованностью. Он оказался этнографом, собирающим цыганские народные танцы. Когда он узнал мое имя, то сообщил мне, что эту поездку финансирует фонд. А в аэропорту в Москве я встретил что-то около 18-и венгерских экономистов, которые ехали в Китай на стажировку, также финансируемую фондом. И все это в один день.

* * *

Вдохновленный успехом венгерского фонда, я решил посмотреть, не созрел ли Китай для подобного фонда. Я встретился с Лиань Хенгом, автором «Сына революции», весной 1986 года, как раз перед его поездкой в Китай. Он установил хорошие контакты с реформаторами, и в результате восемнадцать китайских экономистов получили приглашение от венгерского фонда посетить Венгрию и Югославию с целью изучения хода реформы в этих странах. Визит был очень удачным, потому что контакты проходили не по официальным каналам, и китайские экономисты получили очень хорошее представление о том, что на самом деле происходит. Я встречался с ними в Венгрии и обсудил концепцию фонда с Чен Идзи, главой Института экономической реформы. Потом я поехал в Китай с Лиань Хешом, которого попросил быть моим личным представителем, и организовал фонд по венгерской модели. Институт Чен Идзи стал моим партнером. Бао Дун, главный помощник Чжао Цзыяна, помог быстро справиться с бюрократической волокитой, и фонд был сразу же утвержден.

И он, и фонд в результате имели много неприятностей, потому что политические противники Бао Дуна попытались использовать фонд в качестве предлога для нападок на него. Они подготовили подробное досье, в котором утверждалось, будто Сорос является агентом ЦРУ и антикоммунистическим заговорщиком. Бао Дун контратаковал и представил подробнейший материал о других моих фондах в доказательство моих честных намерений. Это было не очень сложно, потому что я никогда не делал тайны из моих намерений. Однако некий высший партийный совет в Пекине решил ликвидировать фонд и возместить деньги. Понадобилось личное вмешательство Чжао Цзыяна, чтобы отменить это решение. Он устроил так, что Чен Идзи ушел с поста сопредседателя, а вместо Института экономической реформы нашим партнером стал Международный центр по культурным обменам, чей председатель оказался одним из высокопоставленных чиновников службы госбезопасности…

После событий на площади Тяньаньмэнь, фонд использовался в качестве одного из главных обвинений против Чжао Цзыяна и Бао Дуна. Против Чжао, как мне известно, было три обвинения. Одно было в «буржуазном уклонизме», потому что он слишком потакал студентам, другое обвинение было в выдаче государственных секретов, так как он якобы сказал Горбачеву, что Дэн Сяопин все еще держит в своих руках большую власть, и, наконец, последнее обвинение – в государственной измене, потому что он позволил работать фонду. Государственная измена всегда влечет за собой смертную казнь. Когда я услышал об этом от Чен Идзи, которому удалось бежать, я написал Дэн Сяопину письмо, предлагая защитить свое имя, приехав в Китай и представив им любую информацию, которая им может понадобиться. Мое письмо было опубликовано в «Бюллетене партийных документов», у которого очень большой тираж, что свидетельствует о том, что обвинение было снято. Однако все это было весьма неприятно.

Теперь уже, оглядываясь назад, я понимаю, что сделал ошибку, открыв фонд в Китае. Китай не был готов к нему, потому что там не было независимой или инакомыслящей интеллигенции. Люди, на которых я строил фонд, были членами одной из партийных фракций. Они не могли быть совсем уж открыты и честны со мной, потому что их основным долгом был долг перед своей фракцией. Фонд не мог стать организацией гражданского общества, потому что гражданского общества фактически не существовало. Было бы гораздо лучше дать дотацию непосредственно институту Чен Идзи, который заслуживал поддержки.

* * *

Вскоре после Китая я организовал фонд и в Польше. В рамках Фонда открытого общества очень успешно действовала программа стипендий и стажировок в Оксфорде для Польши под руководством доктора Збигнева Пельчинского, кроме того, я финансировал и некоторые другие польские программы. Пельчинский, который часто ездил в Польшу, убедил меня открыть фонд и в Польше.

Я думал, что это будет легко: Пельчинский был готов взять на себя переговоры с правительством, а у меня были свои связи с гражданским обществом. Однако все вышло не так. Поляки настаивали на том, чтобы фонд был абсолютно независим от правительства, и я всемерно поддерживал их желание. Фонд был учрежден, но не мог функционировать, он даже не мог найти здание под офис. Члены комитета заседали-заседали, но практически не продвинулись. Также среди членов правления не было согласия относительно сферы деятельности и фонда. Некоторые члены правления стремились заниматься только академической деятельностью, другие хотели более широкого диапазона задач. Без четко очерченной сферы деятельности и обозначенных приоритетов фонду не удалось стать инструментом гражданского общества.

Я знал об этой проблеме, но у меня не было времени и сил, любы ею заниматься. Когда «Солидарность» пришла к власти, я попросил правление подать в отставку и отдал фонд в руки другой команды под руководством Збигнева Буяка, в прошлом руководителя «Солидарности» и в Варшаве, при котором, я надеюсь, фонд наконец обретет свое лицо.

Я лишь время от времени, на день или на два, приезжал в Варшаву. Однако я почти сразу установил тесный личный контакт с главным советником Валенсы Брониславом Геремеком. Меня также принимал генерал Ярузельский и дал моему фонду свое благословение. У нас была очень интересная беседа. Я спросил, почему бы ему не сесть за стол переговоров с «Солидарностью». Он сказал, что готов вести переговоры практически с кем угодно и пытался наладить диалог через церковь. Однако лидеры «Солидарности» – это предатели, которые организовали экономические санкции со стороны западных государств, и он не хочет иметь с ними дела. Я сказал ему, что встречался с Геремеком и что у него очень позитивный настрой на достижение какого-то компромисса именно потому, что экономика в таком ужасном положении и среди населения растет недовольство. Он знал гораздо больше о Геремеке, чем я. «Он поменял свою религию, когда был уже зрелым человеком, он не мог сделать это по убеждению. Я тоже менял свои убеждения, но это было в молодости». Я выразил сожаление но поводу того, что у него такая сильная личная антипатия, потому что это может помешать им достичь компромисса. При демократическом строе можно управлять, имея менее пятидесяти процентов голосов, но когда нет демократии, нужно, чтобы за вами шел весь народ. А без «Солидарности» этого добиться было невозможно. Я сказал ему, что для «Солидарности» переговоры с правительством будут очень огромным риском, потому что любая экономическая программа означает серьезные сокращения в тяжелой промышленности, а это отразится на рабочих, которые составляют костяк «Солидарности». Несмотря на это, они были готовы пойти на этот риск, потому что вопрос стоял о будущем страны. Довод относительно политического риска, который будет грозить «Солидарности», произвел на него глубокое впечатление. Как я узнал позднее, на следующий день он повторил его на заседании Политбюро.

* * *

То количество времени, денег и сил, которые я вложил в преобразование коммунистических систем, возросло неизмеримо, когда я решил основать фонд в Советском Союзе. На эту мысль натолкнул меня телефонный звонок Горбачева Сахарову в Горький в декабре 1986 года, когда он попросил его «возобновить свою деятельность на благо Родины в Москве». (Сахаров сказал мне позднее, что телефонную линию установили специально для этого звонка предыдущей ночью.) Тот факт, что его не выслали за границу, говорил о том, что произошли значительные перемены.

Я надеялся, что Сахаров будет моим личным представителем в Советском Союзе. Я поехал в Москву в начале марта 1987 года в качестве туриста. У меня было два рекомендательных письма от Алердинка, голландца, фонд которого занимается контактами восточных и западных средств массовой информации. Одно письмо было к высокопоставленному чиновнику в АПН, а другое к Михаилу Бруку, доверенному лицу Арманда Хаммера в Советском Союзе. У меня также были имена ряда диссидентов и независимо мыслящих людей, которые не боялись общаться с иностранцами. Ситуация не очень отличалась от той, что была десять лет назад, когда я приехал в Советский Союз в первый раз. Телефон зазвонил практически в ту самую минуту, как я вошел в номер. Это был Михаил Брук. Я удивился, откуда он узнал, что я приехал. Он прекрасно говорил по-английски и переводил мне в АПН. Чиновник в АПН упомянул Фонд культуры СССР, недавно учрежденную организацию, которую патронировала Раиса Горбачева. Мне показалось, что стоит попробовать, и я попросил помочь мне встретиться с кем-то из Фонда культуры. У него на столе стояло несколько телефонов; он придвинул к себе один из них и сразу же договорился о моей встрече с заместителем председателя, Георгом Мясниковым, пожилым человеком с большим приятным лицом и исключительно любезными манерами. Я рассказал ему, как работает фонд в Венгрии, и показал наши материалы. Он очень внимательно к этому отнесся, и примерно через час мы уже обсуждали детали.

У меня также было несколько интересных неофициальных встреч. Внук бывшего члена Политбюро Микояна познакомил меня со своим лучшим другом, который когда-то был блестящим ученым, но ушел из науки. Он называл себя «спекулянтом» и фактически был маргиналом. Я также познакомился с одним молодым ученым, который назначил мне встречу на переполненной станции метро. Я разговаривал с ведущими диссидентами – Сахаровым, Григорьянцем и Львом Тимофеевым, но у них мой проект вызвал довольно большие сомнения. Сахаров сказал, что мои деньги лишь пополнят казну КГБ. Он отказался от личного участия в фонде, но обещал помочь с выбором членов правления. Я предупредил Мясникова из Фонда культуры: если они хотят, чтобы я продолжал организовывать фонд, они должны прислать мне официальное приглашение.

Когда я прилетел в Москву в следующий раз, в аэропорту меня встретил только что назначенный заместитель председателя Фонда культуры Владимир Аксенов. Это был довольно молодой человек. У нас с ним почти сразу же установились хорошие взаимоотношения. Он оказался поклонником Михаила Месаровича, ведущей фигуры в теории сложных систем и моего друга. Это сразу сблизило нас. Он стал настоящим энтузиастом идеи фонда. «Если бы вы не появились сами, нам пришлось бы вас выдумать», – сказал он мне. Я по очереди встречался с предполагаемыми членами правления, но мне было не по себе, потому что я чувствовал, что не установил нужной связи с гражданским обществом. По правде говоря, я стал сомневаться, существует ли гражданское общество вообще.

* * *

Поворот осуществился в августе, когда большая делегация из Советского Союза была проездом в Нью-Йорке по пути на конференцию советско-американской дружбы в Чаппадуике. Среди них была Татьяна Заславская, с которой я очень хотел познакомиться. Я пригласил к себе всю делегацию и моя жена, Сьюзан, устроила обед на 150 человек. Это было зрелище. Было очень тесно, но всем, похоже, прием понравился. Мы договорились встретиться еще раз в Чаппадуике, где мы долго разговаривали и обнаружили, что у нас очень много общего. Мы обсуждали состав правления, и мне показалось, что дело сдвинулось с мертвой точки. На одном из своих приемов я встретил будущего исполнительного директора нью-йоркского отделения фонда, Нину Буис, известного переводчика русской литературы.

22 сентября 1987 года было полностью сформировано правление. В него вошли: Юрий Афанасьев, историк; Григорий Бакланов, главный редактор журнала «Знамя»; Даниил Гранин и Валентин Распутин, писатели; Тенгиз Буачидзе, грузинский филолог; Борис Раушенбах, специалист по космическим исследованиям и религиозный философ; Татьяна Заславская, социолог. Мясников и я стали сопредседателями, оба с правом вето, а Аксенов и Нина Буис нашими заместителями.

Все члены правления – исключительные люди. Они стали ведущими фигурами в Советском Союзе, они всегда в центре внимания, всегда до предела загружены работой, у некоторых не очень хорошее здоровье. Однако они регулярно приезжали на заседания и проводили там огромное количество времени. Наше последнее заседание было назначено на воскресенье, потому что это единственный день, когда они могут высвободить какое-то время. Они придерживаются очень разных взглядов. Бакланов и Распутин находятся по разные стороны баррикад: заседания правления – единственный случай, когда они соглашаются сидеть друг с другом за одним столом.

А вот с Мясниковым было непросто. С самого начала, как только я ему сказал, что относительно выбора членов правления хотел бы посоветоваться с диссидентами, он высказался против этого. Было сказано немало резких слов, но за обедом он был сама любезность. Всегда безукоризненно вежливый, он в конце концов всегда шел на компромисс.

Я решил, что надо попытаться найти кого-то, с кем бы мы лучше понимали друг друга. Академик Лихачев, председатель Фонда культуры, казался мне идеальной кандидатурой. И я поехал в Ленинград, чтобы с ним встретиться. Это исключительно интеллигентный и образованный человек восьмидесяти трех лет, прошедший через сталинские лагеря. Он бы, конечно, был лучшим сопредседателем, чем Мясников. Когда я попросил его об этом, он позвонил кому-то в ЦК, и, когда тот человек ему перезвонил, я попросил Нину переводить мне разговор. Однако Лихачев на протяжении всего разговора не сказал ни слова, он лишь кивал. Я понял, что оказался свидетелем одного их тех знаменитых телефонных звонков из Кремля, когда тот, с кем разговаривают, может только слушать. Положив трубку, он сказал: «Ничего не поделаешь. Сопредседателем должен быть Мясников».

Тем не менее, мы как-то начали разворачиваться. Рубли для нашей деятельности нам удалось получить в обмен на некоторое количество компьютеров. Вот как это было. Я встретился с главой Института проблем информатики, и он мне рассказал о своих грандиозных планах сделать миллион компьютеров для школ. Почти тут же, не переводя дыхания, он сказал мне, что у него есть разрешение импортировать сто персональных компьютеров PC-AT фирмы ИБМ, и срок разрешения уже скоро истечет, а у него нет долларов для того, чтобы за них заплатить. Я выразил желание дать необходимые ему доллары, если он даст мне рубли. «Сколько?», – спросил он. Я решил рискнуть. «Пять рублей за доллар». «Договорились». И действительно, в двадцать четыре часа мы подписали соглашение. Я затем полетел в Париж

и позвонил в ИБМ, но ИБМ отказалась иметь со мной дело, объяснив это тем, что политика компании исключает торговлю через посредников. Поэтому я купил 200 тайваньских компьютеров в Вене за те же деньги. Как американский фонд, мы подчинялись ограничениям КОКОМ, даже если тайваньские производители и венские посредники им не подчинялись. Я никак не мог добиться решения дела в Вашингтоне, хотя разрешение на ПК уже заканчивалось. В конце концов, я позвонил Джону Уайтхеду, заместителю госсекретаря. Только тогда я получил наконец письмо о том, что никакого разрешения не требуется. Чтобы у читателя не создалось впечатления, что американская бюрократия хуже, чем советская, я должен заметить, что у моего советского партнера было больше трудностей с рублями. Обменный курс пять рублей к доллару был неприемлем для властей, а правительственная организация не имеет права делать пожертвования фондам. Но, в конце концов, после некоторых вмешательств на высоком уровне, мы эти рубли получили.

Однако все эти сложности нам были нипочем, и мы смело начали нашу деятельность. Мы объявили о конкурсе инициатив, и из первых полученных 2000 заявок выбрали сорок для финансирования. Они включали: два проекта по устной истории сталинского периода; архив неправительственных организаций; альтернативную группу городского планирования; ассоциацию адвокатов; потребительскую группу; кооператив по производству инвалидных колясок; ряд исследовательских проектов, связанных с исчезающими языками Сибири, цыганским фольклором, экологией озера Байкал и т. д.

Нелегко также было получить официальный устав для фонда. Есть еще один фонд, пользующийся влиятельной поддержкой, – Международный фонд за выживание и развитие человечества, который отказался работать без устава. В течение года они сражались за свой устав и наконец получили его. Мы попросили, чтобы нам разрешили сделать устав на основе этого, но пришлось добиваться разрешения восемнадцати министерств, что вылилось в шесть месяцев. Но это стоило того. Он дает нам такие большие возможности, что я мог бы сравнить его с уставом Ост-Индской компании…

Все было очень непросто. Каждая мелочь представляла огромную проблему. Но это также было очень интересно и весело. Я познакомился со многими прекрасными людьми. Не знаю почему, но я чувствую какое-то родство с русской интеллигенцией. Мой отец был в России во время русской революции, в основном в Сибири, в качестве бежавшего военнопленного, и от него я, должно быть, впитал что-то от русского духа.

* * *

Мы потратили очень много времени и сил, но фонд наконец начал оформляться. Вскоре мы начали открывать филиалы в республиках. Сначала я поехал в Киев. У меня установились там очень хорошие контакты. На нашей первой встрече ведущие украинские интеллектуалы стали выдвигать свои идеи. Мне пришлось разочаровать большинство из них, и я очень переживал, что был вынужден все время говорить «нет». Но потом они сказали мне, что им это как раз понравилось. «Советский чиновник никогда не говорит «нет». Вы сказали «нет» десять раз в течение десяти минут. Это было просто отдохновение». Вечером они взяли меня с собой на празднование шестидесятилетия украинского поэта Дмитро Павлычко. Несколько сот человек собрались в большом зале, слушали стихи и песни, а затем Павлычко отвечал на вопросы. Все это было похоже на 1848 год.

Во время моей следующей поездки я посетил Эстонию и Литву. Это было больше похоже на официальный государственный визит: я прилетел на частном самолете и съемочная группа «Ста двадцати минут» всюду следовала за мной. Несмотря на это, удалось многое сделать.

Моя деятельность по организации фонда дала мне уникальную возможность наблюдать эволюцию гражданского общества в Советском Союзе. Когда я приехал туда в марте 1987 года, я не мог вообще обнаружить гражданское общество. И не только из-за своей неопытности; сами советские интеллектуалы не знали, что думают люди, не принадлежащие к их узкому кругу. Независимое мышление осуществлялось подпольно. Все это изменилось. Позиции определились и различия прояснились в ходе общественного обсуждения. Все это похоже на сон.

Всегда существует разрыв между мышлением и действительностью. Он всегда образуется, как только участники пытаются понять ситуацию, в которой они участвуют. Этот разрыв, в свою очередь, придает ситуации рефлексивный характер. Таким образом, расхождение между мышлением и фактом является неотъемлемой чертой человека и движущей силой истории.

Советская система долгое время основывалась на систематическом отрицании подобного расхождения. Догма должна была определять и мысль, и действительность, а мысли не разрешалось реагировать на реальность прямо, но только через одну из модификаций господствующей догмы. Это затрудняло реагирование, поэтому и мышление, и действительность сделались чрезвычайно косными. Это привело к возникновению разрыва другого рода: существовала официальная система, в которой и мышление, и действительность регулировались догмой, но также существовали и личные миры отдельных людей или узких групп, в которых расхождение между догмой и действительностью могло признаваться. Было два типа людей: те, которые принимали догму, как она им преподносилась, и те, у кого был свой собственный мир. Два типа достаточно отчетливо разделялись, и обычно я мог почувствовать почти сразу, имею я дело с настоящим человеком или с автоматом.

Когда Горбачев ввел гласность, он расшатал официальную систему мышления. Мышление стало освобождаться от догмы, и людям разрешили выражать свои настоящие взгляды. В результате вновь появился разрыв между мышлением и действительностью. Более того, разрыв стал шире, чем когда-либо, потому что, в то время как интеллектуальная жизнь расцвела, материальные условия ухудшились. Налицо оказалось несоответствие между двумя уровнями, придающее происходящему характер сна. На уровне мышления – всеобщее воодушевление и раскрепощение; на уровне действительности преобладающим ощущением является разочарование: снабжение ухудшается и валится катастрофа за катастрофой. Единственное, что свойственно обоим уровням, – неразбериха и замешательство. Никто точно не знает, какая часть системы уже находится в процессе перестройки, а какая еще работает по-старому; чиновники не смеют сказать ни «да», ни «нет»; таким образом, почти все возможно и почти ничего не происходит. Можно и так описать этот сон, Фонд «Культурная инициатива» имеет такой же ирреальный характер «сна». Почти все разрешено, но почти ничего нельзя осуществить. Научившись действовать в определенных рамках в Венгрии, я был потрясен, когда обнаружил, что, казалось, нет никаких внешних ограничений деятельности фонда в Советском Союзе. На некоторых наших заседаниях присутствовал представитель ЦК, но он был большим поклонником Афанасьева, самого радикального члена нашего правления, и у нас с ним не было сложностей – он никогда не возражал. Это было слишком хорошо, чтобы в это поверить, но, с другой стороны, я давно не был в Венгрии.

* * *

Был один период – около девяти месяцев, – когда я был так занят организацией фонда в Советском Союзе, что совсем забросил фонд у себя на родине. Когда я снова посетил Венгрию осенью 1988 года, я обнаружил, что процессы в ней пошли гораздо дальше, чем в Советском Союзе. Шло оформление политических партий, и коммунистическая партия явно

распадалась. Фонд пользовался таким благоволением со стороны властей, что министерство образования предложило внести деньги, соответствующие моему ежегодному вкладу, превышающему три миллиона долларов, возможно для того, чтобы поддержать свой собственный статус. Я согласился.

Фонд очутился в совершенно новой ситуации: его моральный капитал намного превышал мой финансовый вклад. Это открыло возможности, о которых раньше нельзя было и мечтать. В то же время первоначальная цель фонда была достигнута. Он должен был разрушить монополию догмы путем предоставления альтернативного источника финансирования культурной и общественной деятельности. Догма действительно рухнула. Одно дело было способствовать этому, работать для этого и совсем другое – увидеть, как это происходит на твоих глазах.

Мне вспомнился камень, который мне однажды удалили из слюнной железы. Операция была довольно болезненной, и я захотел сохранить камень на память. Но после того как он в течение нескольких дней побыл на воздухе, этот твердый, как камень объект, доставлявший мне столько неприятных ощущений, рассыпался в пыль.

Пришло время радикально пересмотреть цели и задачи фонда. Мы эффективно работали вне официальных учреждений, но теперь пришло время помочь реформировать или изменить сами учреждения. По силам ли нам эта задача – мы не знали, это могло показать только будущее. Однако это был риск, на который стоило пойти. Иначе мы бы сами стали учреждением, чье время прошло.

У нас уже был какой-то опыт, на который можно было опереться. Мы помогали Экономическому университету имени Карла Маркса с программой по реформе учебной программы. В течение трех лет мы послали за границу около шестидесяти преподавателей, что составляет около 15 процентов всего преподавательского состава, слушать курс бизнеса с тем, чтобы преподавать его по возвращении. Я также был одним из основателей Международного центра менеджмента в Будапеште.

Мы решили сначала заняться гуманитарными дисциплинами, потому что преподавание гуманитарных наук до сих пор находится в руках партийных поденщиков, которых выдвинули на эту работу по идеологическим соображениям. Было ясно, что задача будет гораздо труднее, чем в случае с Университетом имени Карла Маркса, потому что там инициатива исходила от самого университета, в то время как здесь нам придется преодолеть значительное внутреннее сопротивление. Рабочую группу мы сформировали. Будущее покажет, насколько ее работа будет успешной.

Я также выделил еще две задачи. Первая – образование в области бизнеса, вторая – гораздо более близкая моему сердцу – содействие распространению того, что я называю открытым обществом. В частности, я хотел содействовать расширению контактов и улучшению взаимопонимания с другими странами региона. Программы, включающие соседние страны, раньше были под строжайшим запретом. Теперь ничто не мешало развивать сотрудничество с моими фондами в других странах. В апреле 1989 года мы учредили нашу первую совместную программу – серию семинаров в межуниверситетском центре в Дубровнике.

После «нежной» революции в Праге, Фонд Хартии 77 в Стокгольме, который я поддерживал много лет, начал действовать, вооруженный с ног до головы, как Афина Паллада. Франтишек Януш прилетел в Прагу, и я присоединился к нему через неделю. Мы учредили комитеты в Праге, Брно и Братиславе, и я предоставил им один миллион долларов. С помощью нового министра финансов мы приняли участие в ближайшем официальном валютном аукционе со ста тысячами долларов и получили обменный курс, который почти в три раза превышал курс черного рынка и в восемь раз – официальный курс. Первые гранты были выплачены еще до конца недели. Я был очень горд всем этим делом, но, как это ни парадок-

сально, фонд критиковали те самые люди, которым фонд помог. Это был тот самый случай, который я называю парадоксом благотворительности.

Вместе с принцем Шварценбергом мы встретились с Марианом Чалфой, который тогда исполнял обязанности президента. Предполагалось, что это будет просто визит вежливости, но у нас получился очень откровенный разговор. Чалфа сказал, что за последние три недели его представления о мире сильно пошатнулись. Он не представлял, насколько далеко от действительности была его партия. Недавно он поговорил по душам с Юрий Динстбиром, бывшим заключенным, ныне министром иностранных дел, и только тогда узнал, что детям диссидентов обычно отказывали в праве получить образование в Чехословакии. (Дочери Динстбира удалось уехать в Швейцарию.) Он переживал чувство глубокого стыда и был твердо настроен превратить Чехословакию в демократическую страну.

* * *

Мое участие шло по тому же революционному пути, как и сами события. Сейчас оно, уже связанное с экономической политикой и международными отношениями, выходит далеко за рамки непосредственно деятельности фондов. До совсем недавнего времени я старался не высовываться: я понимал, что так от моей деятельности будет гораздо больше пользы. Именно то, что не было никакой рекламы нашего фонда в Венгрии, и то, что я не давал никаких интервью западной прессе, было важным условием успеха фонда. Но потом ситуация сильно изменилась. Я стал известен как общественный деятель; фактически я стал политиком, принял роль государственного деятеля. Это в некотором смысле ненормальная ситуация, потому что я не представляю никакую страну. Но вскоре я свыкся с этой ситуацией. Мой отец, который пережил революцию 1917 года, говорил мне, что в революционные эпохи все возможно, а я всегда помню его слова.

Все началось на конференции по европейской безопасности в Потсдаме в июне 1988 года. Я представил грандиозный план о пакте взаимной безопасности между НАТО и Варшавским Договором, соединенный с планом широкомасштабной экономической помощи советскому блоку. Когда я сказал, что деньги должны в основном исходить от европейских стран, аудитория рассмеялась, что и было точно отражено в «Франкфуртер альгемайне».

Советский посол в Вашингтоне Юрий Дубинин сказал, что я большой фантазер. «Подскажите» нам, что мы можем сами сделать», – попросил он. Это послужило неким толчком для меня, я начал думать и за лето разработал концепцию рыночного открытого сектора, который нужно «имплантировать в тело централизованной плановой экономики. Дубинину понравилась эта идея, и он информировал о ней Москву. Я получил приглашение от председателя Комиссии по внешнеэкономическим связям Каменцева, который перенаправил меня к своему заместителю Ивану Иванову. Мы договорились о создании международной рабочей группы для разработки этой концепции. Но группа, которую сформировала советская сторона, была неадекватна. Когда Дубинин заехал ко мне перед отъездом в Москву, чтобы выяснить, как идут наши дела, я сказал ему, что ничего не выйдет, если этим делом не займется кто-то на более высоком уровне. Он согласился и добился того, что премьер-министр Рыжков отдал приказ всем соответствующим ведомствам оказывать нам содействие в работе.

Наша группа, в которую входили: Василий Леонтьев, экономист, лауреат Нобелевской премии; Эд Хьюитт из Института Брукингса, Фил Хансен из Бирмингемского университета, Ян Младек, один из основателей МВФ: Мартин Тардош, венгерский экономист, поехала в Москву в ноябре 1988 года и встретилась там с достаточно влиятельной советской группой, состоящей из людей, которые ныне занимают высокие посты. Наши заседания завершились четырехчасовым совещанием с Рыжковым в Кремле. Казалось, что у него сложилось

благоприятное впечатление: «Это, кажется, хороший путь, если решили, что идем именно туда». Договорились, что идею надо разрабатывать дальше, и было организовано шесть подгрупп для изучения отдельных аспектов концепции. Однако за всем этим соглашением стоял конфликт между заинтересованностью Иванова в создании свободных экономических зон и нашим более широким интересом в использовании открытого сектора для постепенного перевода всей экономики на рыночные принципы.

Эд Хьюитт занялся организацией рабочей группы с западной стороны, и первая серия встреч была назначена на конец января 1989 года в Москве. В нашу группу входило около двадцати человек из западных стран и несколько больше из Советского Союза. Я настаивал на пленарном заседании, потому что хотел сразу же принять основополагающие принципы и избежать «разброда и шатаний», но Иванов сделал пленарное заседание очень коротким. Вскоре стало очевидно, что некоторые советские участники были действительно заинтересованы в этом деле и очень хотели его продвижения, в то время как другие присутствовали на заседаниях только из чиновничьего долга или, более того, были враждебно настроены по отношению к этой идее.

* * *

Я с гораздо большей надеждой смотрел на Польшу, где процесс дезинтеграции достиг апогея, и выборы обозначили явный разрыв с прошлым. Это тот тип прерывистости, который дает возможность начать все сначала. Польша к тому же – это страна, для которой реально получить внешнюю поддержку, необходимую для того, чтобы вытолкнуть экономику наверх. Я считал необходимым продемонстрировать, что политическая трансформация может вылиться в экономическое улучшение. Польша – это та страна, в которой это возможно.

Я подготовил развернутый план для комплексной экономической программы. Она включала в себя три составные части: финансовую стабилизацию, структурные изменения и реорганизацию долга. Я утверждал, что все три цели легче достичь вместе, чем по отдельности. Это особенно было верно для промышленной реорганизации и реорганизации долга постольку, поскольку они представляют противоположные стороны национального баланса. Я предложил что-то вроде макроэкономического взаимного погашения долгов.

Я показал свой план Геремеку и профессору Тржиаковскому, который возглавлял «круглый стол» по экономике, и они оба отнеслись к этой мысли с большим энтузиазмом. Я начал организовывать поддержку в западных странах, но там я менее преуспел. Совершенно нельзя было касаться так называемого долга Парижскому клубу (то есть денег, взятых в долг у правительственных учреждений), что составляло три четверти всего польского долга; уступки, сделанные одной стране, непременно надо было бы распространить и на другие страны. Следовательно, нельзя было делать никаких уступок. Они сильно сомневались, что Польша захочет принять такую смелую программу, да и в любом случае сначала нужно было стабилизировать валюту в стране.

Последний довод был, несомненно, обоснованным и веским. Я связался с профессором Джеффри Саксом из Гарвардского университета, предлагавшим подобную программу, и финансировал его работу в Польше. Он возбудил всеобщий интерес своими идеями и превратился в очень неоднозначную фигуру, однако ему удалось сосредоточить дебаты на правильных вопросах. Я тесно работал также с профессором Станиславом Гомулкой, который стал советником нового министра финансов Л. Балцеровича и в результате более влиятельной фигурой, чем Джеффри Сакс.

Я посетил Варшаву неделю спустя после того, как новое правительство приступило к выполнению своих обязанностей. Это было исключительно любопытно. Я наблюдал явное

столкновение двух подходов. Президент Центрального банка Бака, который был назначен президентом Ярузельским и был неподотчетен правительству, пропагандировал политику преемственности. Это означало бы постепенные реформы, и это сделало бы новое правительство зависимым от современных структур власти, потому что только они знали, на какие рычаги нажимать. Балцерович стоял за радикальный подход. Но его раздавила масштабность задачи, которая перед ним стояла. С собой в министерство он привел только двух новых людей. Почти во всем он зависел от старых сотрудников министерства – не лучшие условия для создания прорыва. Но Балцерович стоял на своем и представил радикальную программу на заседании Международного валютного фонда в Вашингтоне. Международный валютный фонд поддержал программу, и она вступила в действие 1 января 1990 года. Для населения это исключительно тяжелая программа, но люди были готовы многое вынести, чтобы добиться реальных перемен. Самая большая опасность во всем этом – возможные административные просчеты, которые могли расстроить программу.

И такие просчеты уже случаются. Вот лишь один пример. Я привез в Варшаву для обсуждения польского плана представительную группу консультантов по внешней экономике. Министр финансов подготовил бюджет на 1990 год, основываясь на предполагаемом уровне инфляции 140 %. Это было несовместимо с планом Балцеровича, который призывал фактически к замораживанию зарплаты после первоначального переходного периода. Однако было уже поздно переписывать бюджет. К счастью, уровень инфляции поднялся гораздо выше, чем ожидалось в ноябре, таким образом, введя индексацию в 20 % от стоимости жизни, план удалось подогнать под бюджет. Но ведь было бы гораздо проще составить бюджет под план и избежать, таким образом, повышения стоимости жизни.

* * *

После краха режима в Восточной Германии мое внимание опять переместилось в сторону Советского Союза. События чудовищно ускорялись, и я боялся, что нет времени ждать, пока польский эксперимент увенчается успехом…

Упадок Советского Союза начался давно, точнее – со смертью Сталина. Тоталитарному режиму необходим диктатор. Сталин превосходно справлялся с этой ролью. При нем система достигла наибольшего расцвета и идеологически, и территориально. Вряд ли было что-то в жизни системы, на что бы не распространялось его влияние. Даже генетика подчинялась марксистской доктрине. Конечно, с каждой наукой были свои сложности, но, по крайней мере, ученых-то уж можно было выдрессировать и запереть по институтам Академии наук, не пускать их преподавать, ограничивая тем самым их общение с молодежью. Конечно, система держалась в основном на терроре, но идеологический флер успешно маскировал насилие и страх.

То, что система пережила Сталина на тридцать пять лет, является, несомненно, подтверждением его гения. За все эти тридцать пять лет только раз едва-едва проблеснул коротенький лучик надежды, когда Хрущев раскрыл некоторую часть правды о Сталине и сталинизме в своем докладе на XX съезде КПСС. Однако иерархические структуры власти быстро регенерировали. Это было время, когда доктрина поддерживалась административными методами без малейшей веры в ее истинность или ценность. Пока сам диктатор был жив и находился у кормила власти, система обладала хоть какой-то маневренностью: по его капризу партийная линия менялась на противоположную, причем предыдущая беспощадно выжигалась. Со смертью Сталина эта гибкость была утеряна, и система закоснела в предписанном ей теоретической моделью состоянии. С этого момента начался тогда еще незримый процесс распада. Каждая организация стремилась к тому, чтобы улучшить собственное положение. Но поскольку ни одна не обладала самостоятельностью, они были

вынуждены перейти на отношения элементарного натурального обмена, чтобы выжить, менять все, что могли, на то, что им было нужно. Постепенно эта хитрая система отношений обмена между предприятиями и организациями вытеснила центральное планирование и контроль, которые при диктаторе так или иначе работали. Более того, выработалась неформальная система экономических отношений, которая затыкала дыры, оставляемые официальной системой. Неадекватность системы становилась все более очевидной – назревала необходимость реформ.

Мы подошли к вопросу, который необходимо акцентировать: реформа ускоряет процесс распада. Она привносит или узаконивает альтернативы в момент, когда система может выжить только при отсутствии альтернатив. Альтернативы порождают множество вопросов, подрывают власть, они не только обнаруживают недостатки в существующем порядке, но и ухудшают положение тем, что ресурсы отвлекаются на более рентабельные проекты.

Организаторы реформы в Китае, посетив Венгрию и Югославию в 1986 году (эта поездка была организована моими фондами), пришли к выводу, что у реформы есть первоначальный «золотой период», когда более разумное распределение существующих ресурсов дает людям ощущение явного улучшения. Только потом, когда все существующие ресурсы уже перераспределены и нужно делать новые капиталовложения, процесс реформы упирается в непреодолимые препятствия. И вот тут-то приходит время пересматривать политику. Только так можно расчистить путь для дальнейших экономических реформ.

Можно наблюдать, что процесс реформы замечательным образом напоминает модель бум/спад на фондовой бирже. Все начинается сравнительно медленно. Сначала реформа удовлетворяет некоторые надежды, с нею связанные, и укрепляется в связи с этим. И когда результаты начинают значительно отклоняться от ожидаемых, отклонение все еще помогает движению реформы: недостатки системы становятся более очевидными, ее способность противостоять изменениям эродирует, в то время как стремление к переменам усиливается. Политические и экономические изменения усиливают друг друга. По мере того как ослабляется экономическая роль центров власти, их политический авторитет тоже подрывается. Конечно, власть будет сопротивляться – в конце концов, главным инстинктом любой бюрократии является инстинкт самосохранения, – но ее сопротивление породит дальнейшие нападки, пока политические цели не заслонят экономические и разрушение центральной власти не вырастет в основную цель. Здесь на смену реформе приходит революция.

* * *

Мы подошли к одному из интереснейших вопросов нашего исследования: каково место Горбачева во всем этом раскладе? Не может быть сомнений, что он сыграл определяющую роль в возникновении такой ситуации. Без него события в Восточной Европе не развернулись бы так стремительно. Он намеренно начал демонтаж некоторых сторон советской системы. Имел ли он в виду уничтожение всей системы? Если да, то почему? И чем он хотел заменить ее? Хотел ли он изменить лишь некоторые части системы? Если да, то какие именно и почему? Отдавал ли он себе отчет в том, что делает? До какой степени результаты соответствуют его ожиданиям?

Точно так же, как человек создал бога по своему образу и подобию, я проделаю то же самое с Горбачевым. Я думаю, что мировоззрение Горбачева не очень отличается от моего. В частности, Горбачев считает деление общества на открытое и закрытое коренным вопросом, и, по его мнению, переделка Советского Союза в открытое общество – первоочередная задача. Это главный пункт, в котором мы с ним сходимся. Наш подход ко многим другим вопросам может различаться. Например, ему не хватает специальных экономических знаний. Кроме того, он русский и пропитан российской культурой – и советской, и дореволю-

ционной. Он, вероятно, действительно искренне верит в коммунизм, как идеал социальной справедливости и не видит этого «проклятья рокового», его врожденного порока. Мы различаемся по всем этим пунктам. Но мне, однако, кажется, что он обладает, по крайней мере, инстинктивным пониманием рефлексивности и как исторической теории, в противном случае, он не мог бы так смело действовать. Он также являет собой наглядный пример участника событий, который не до конца понимает то, что происходит. В противном случае, он бы, возможно, и не заварил всей этой каши. В частности он, по-видимому, не осознавал, что один лишь демонтаж сталинской системы может оказаться недостаточным, чтобы создать свободное общество. Им руководило желание устранить оковы, сдерживающие развитие, он не смог предвидеть всех проблем, которые сразу же возникнут. Это не удивительно. Кто бы мог предположить, что он так далеко продвинется по пути уничтожения старого режима!

Концепция Горбачева может для всех нас послужить вдохновляющим примером. Он говорит о принадлежности к «общему европейскому дому». Его заявления зачастую неправильно понимались на Западе. Люди недоумевали, что же он имеет в виду под границами Европы – Уральские горы, что ли, или, может быть, Владивосток? Казалось, что более естественно считать границей западные рубежи Советского Союза. Но это ведь не то, что имеет в виду Горбачев: он считает Европу открытым обществом, где границы теряют свое значение.

Это чрезвычайно привлекательная концепция. В рамках этой концепции Европа предстает как система отношении и связей, а не как географическая данность на земном шаре. Связи открыты и множественны. Они включают все аспекты мышления, информации, коммуникации и обмена, а не просто межгосударственные отношения. Так как система открыта, все это выходит за рамки Европейского континента. Соединенные Штаты и Советский Союз тоже включаются, не говоря уже о совсем недавно вошедшей в западную цивилизацию Японии.

В рамках этой концепции Европа рассматривается как идеал западной цивилизации, идеал человечества как открытого общества. Эта концепция предполагает более тесные межгосударственные связи, причем государства не определяют деятельность людей и не доминируют над ней. Эта концепция противостоит концепции Европы-крепости. Она распространяет понятие гражданского общества и на область международных отношений.

Западный человек, возможно, все это назовет чистейшим идеализмом, но для людей, которые были лишены преимуществ открытого общества, все это очень заманчиво. То, как откликнется Запад на эту концепцию, значительно повлияет на будущий образ мира.

Уже были попытки претворить похожие идеи в действительность – все знают о деятельности Лиги Наций и ООН. В обоих случаях эти попытки захлебывались, потому что и Лига Наций, и ООН были бессильны против тоталитарных режимов: в первом случае это были Гитлер и Муссолини, во втором – Сталин. Необходимо отметить, что одним из первых жестов Горбачева было то, что он выплатил скопившиеся за несколько лет неуплаченные взносы Советского Союза в ООН.

* * *

Возможно, оттого, что он связывал слишком большие надежды с внешней политикой, Горбачев гораздо менее четко определил цели внутренней политики и экономики. Он хотел дать людям возможность выразить свою волю, и у него был уже готовый инструмент для этого: народные собрания – Советы, от которых пошло и название Советский Союз. Однако он не продумал отношения между Советами и коммунистической партией, и, когда на XXVII съезде партии, который призвал вернуть «всю власть Советам», этот вопрос встал, Горбачеву пришлось предложить паллиатив. Что касается его планов в области экономики, они были еще более расплывчатыми.

Горбачев прежде всего занимался политикой частично потому, что ему нужно» было захватить рычаги власти и частично потому, что он считал, и совершенно правильно, что политические перемены должны предшествовать экономическим. Он гениально использовал каждый промах старых аппаратчиков для того, чтобы сместить их с высоких постов и заменить своими людьми; пока он не достиг положения в партии, которое по традиционным меркам могло бы считаться несокрушимым. И только тогда он вплотную занялся экономическими вопросами. Он не мог уже больше сваливать вину за неудачи на других. Однако его собственные выдвиженцы были не многим лучше своих предшественников. Таким образом, ему пришлось начать отвечать самому. Более того, традиционные критерии не годятся для того, чтобы определить, насколько прочно его положение. Несокрушимого положения в партии может быть недостаточно, чтобы защитить его в ситуации, когда сама партия теряет власть.

Серьезный просчет Горбачева в том, что он не смог осознать, что политические перемены – это только необходимое, но не достаточное условие для экономических перемен. У него была такая вера в демократию: достаточно позволить людям принимать свои собственные решения, и эти решения будут правильными. Однако нельзя делать бизнес на основе консенсуса. Внутри каждой организации должна быть четко определенная структура власти. И, в отсутствие самостоятельных, независимых экономических единиц, должна хотя бы наличествовать структура управления экономикой как целым. Если решено экономику перестраивать, кто-то должен за это отвечать и этим заниматься. Не было сделано ни одной попытки организовать необходимую управленческую структуру.

Управление переменами требует совершенно иного организационного оформления, чем управление системой, которая рассчитывает быть неизменной. В Японии для этих целей имелось Министерство международной торговли и промышленности, в Корее было Агентство по экономическому развитию, даже в Китае была Государственная комиссия по проведению экономической реформы. Но Советский Союз не позаботился создать ничего подобного. Были сохранены существующие управленческие структуры, об изменениях свидетельствовали лишь некоторые кадровые перестановки. Государственным предприятиям была предоставлена большая свобода еще до того, как они были организационно перестроены в самостоятельные единицы; новые формы экономической деятельности были провозглашены до того, как был соответствующим образом определен объем и характер операций. Реформаторам казалось, что каждый шаг, который делегирует власть, – это шаг в правильном направлении. События показали, что это была ошибка.

Бюрократия была совершенно не готова к работе в изменившихся условиях. Она научилась, как флюгер, поворачиваться туда, куда подует ветер наверху, и сообразовывать свои действия с нынешним направлением ветра. Горбачев сказал им, что система изменилась и надо теперь брать на себя ответственность за свои решения. Сначала они с энтузиазмом выкрикивали перестроечные лозунги, не веря в них, а потом вдруг увидели, что система действительно изменилась и они уже не в таких жестких рамках, как раньше. И они сделали то, что сделала бы любая другая бюрократия в подобных обстоятельствах: они стали просто уклоняться от принятия решений. В результате процесс управления был парализован. Процесс принятия решений стал еще более растянутым, и разрыв между принятием решения и его выполнением увеличился.

Паралич прогрессировал из-за национального вопроса и желания республик обрести большую самостоятельность. Распоряжения Москвы просто не выполнялись на окраинах империи.

* * *

Можно привести еще несколько факторов, почему перестройка не принесла результатов даже вначале. В стране не было никаких знаний в области свободного предпринимательства, на которое можно было бы опереться. Также не было достаточно большой диаспоры за рубежом, которая могла бы оказать поддержку. Частному предпринимательству, тому, что все же появилось, оказалось гораздо проще и выгоднее эксплуатировать аномалии системы, чем наращивать производство. Мне рассказывали о заводе удобрений, который продавал свою продукцию в Финляндию за валюту только затем, чтобы потом советский Агропром купил эти же удобрения по более высокой цене, – пакеты с удобрениями просто перегружали из вагона в вагон и отправляли обратно в СССР, даже не поменяв наклейки.

Я встречался с руководителем процветающего кооператива, который возмутил общественное мнение тем, что заплатил 90 000 рублей в качестве своего месячного партийного взноса (члены партии тогда должны были платить 3 % своего дохода в качестве партийного взноса ежемесячно). Он мне рассказал, как они покупали у государственных предприятий ненужные им отходы со скидкой и продавали их за границу в обмен на компьютеры, которые они перепродавали в Союзе по цене в тридцать раз превосходящей официальный обменный курс.

В итоге выгода от вновь разрешенных форм экономической деятельности оказалась ничтожной по сравнению с вредом, нанесенным подрывом установившихся форм. В ситуации отсутствия улучшений общественное мнение враждебно отнеслось к проявлениям свободного предпринимательства. В России наблюдается сильная склонность к эгалитаризму, корни которого уходят к деревенской общине, существовавшей еще до крепостного права и возрожденной после его отмены…

Советский Союз был кредитоспособным (из книги Дж. Сороса «Сорос о Соросе. Опережая перемены»)

Советская система была всеобъемлющей: форма государства, экономическая система, территориальная империя и идеология. Она также была практически полностью изолированной от внешнего мира. Вот почему эта модель может быть применима. Но Советский Союз был жесткой системой: предпочтение – марксистская теория и хозяйственная практика – было жестким. Следовательно, период акселерации, когда предпочтение и тенденция становятся практически непоколебимыми, произошел в невероятно жестких условиях. Этот период проходил под управлением Сталина. Условия стали еще более жесткими после того, как система пережила серьезное испытание Второй мировой войной.

После смерти Сталина наступил момент истины – речь Хрущева на XX съезде. Но режим только усилился, и наступил период сумерек. Догма была сохранена благодаря административным мерам, но она более не поддерживалась верой в ее истинность. Интересно, что жесткость системы увеличилась еще больше. Пока у руля находился живой диктатор, линия коммунистической партии могла быть изменена только по его капризу, но тогда была потеряна гибкость. В то же время произошел отказ от террора, и начался слабый процесс гниения. Между различными организациями началась гонка за власть. Поскольку ни одна из них не пользовалась реальной автономией, то им приходилось заниматься чем-то вроде бартерного обмена с другими организациями.

Постепенно сложная система межведомственного бартера заменила то, что должно было быть централизованным планированием. Одновременно развивалась теневая экономика, которая поддерживала и заполняла пробелы, оставленные официальной системой.

Этот период сумерек был тем, что сейчас называют периодом застоя. Неадекватность системы становилась все более очевидной, росло стремление к реформам. Горбачев стал руководителем партии. Это был поворотный момент. Реформы ускорили процесс дезинтеграции, поскольку они ввели или узаконили альтернативы, в то время как для своего выживания система нуждалась в отсутствии альтернатив. Экономические реформы продемонстрировали потребность в политических реформах. С наступлением перестройки и гласности процесс дезинтеграции вошел в заключительную стадию, приведя к катастрофическому ускорению, кульминацией которого был полный коллапс системы.

Удивительная черта этой последовательности состоит в том, что она ведет не от состояния, близкого к равновесному, к состоянию, далекому от равновесного, а от чрезвычайной жесткости к другой крайности – к революционным изменениям.

* * *

Я могу указать на один случай на финансовом рынке, который можно считать похожим. Хотите – верьте, хотите – нет, но это банковская система Соединенных Штатов. Она также прошла путь от чрезвычайной жесткости к чрезвычайной изменчивости. Процесс был сходным, но шел в обратном направлении: он начался с кризиса и завершился подъемом. Банковская система Соединенных Штатов пережила кризис в 1930-х гг. Она стала хорошо регулируемой. Структура этой отрасли была практически заморожена вследствие строгих правил. Расширение за пределы границ штатов запрещалось, а в некоторых штатах было запрещено даже создавать филиалы банков. Управляющие были серьезно травмированы. Безопасность стала важнейшим соображением, перевешивающим интересы роста или получения прибы-

лей. Вялый бизнес привлекал и вялых людей, в отрасли практически не наблюдалось прогресса или инноваций. Инвесторы игнорировали банковские акции.

Эти условия сохранялись до начала 1970-х гг. Несмотря на внешне спокойную картину, назревали перемены. Выросло новое поколение банкиров, получивших образование в бизнес-школах. Они были заинтересованы прежде всего в итоговых прибылях. Вдохновляющим центром новой школы мышления был нью-йоркский First National City Bank. Специалисты, прошедшие там подготовку, переходили в другие банки и занимали там ключевые посты. Вводились новые виды финансовой деятельности, и некоторые банки начали более активно использовать свой капитал и добивались очень заманчивых результатов.

Были сделаны некоторые приобретения в пределах границ штатов, что привело к созданию более крупных организаций. Крупные банки, как правило, привлекали средства, превышающие их уставной капитал в 14–16 раз, а Bank of America удалось привлечь средства, в 20 раз превышающие его уставной капитал. Доход на капитал в лучших банках превысил 13 %. В любой другой отрасли такой доход на капитал, сопровождающий рост дохода на акции, превышающий 10 %, при продаже акций непременно выразился бы в значительной премии сверх номинальной стоимости. Но акции банков продавались с низкой премией или вообще без премии. Аналитики, изучавшие банковские акции, признавали недооценку банковских акций, но они не заметили, что ситуация уже начала меняться, поскольку изменения, лежащие в основе этого процесса, были слишком медленными, а доминирующие предпочтения были слишком стабильными. Тем не менее некоторые банки достигли такого этапа развития, когда им пришлось начать бороться с ограничениями на объем средств, привлекаемых под имеющийся капитал. Если они хотели продолжать расти, то им необходимо было продолжать привлекать дополнительный капитал.

* * *

В этот момент First National City Bank пригласил на обед аналитиков-специалистов по ценным бумагам – событие, неслыханное в банковском бизнесе того времени. Я не был приглашен, но это побудило меня опубликовать отчет, в котором я рекомендовал приобрести пакет акций наиболее эффективно управляемых банков. В отчете обосновывалась ситуация, которую я только что описал, и утверждалось, что предстоит оживление, связанное с банковскими акциями, поскольку их менеджерам было о чем рассказать; и они не замедлили это сделать. Понятия «рост акций» и «банки» казались несовместимыми, писал я тогда, но это противоречие будет разрешено благодаря быстрому росту котировок банковских акций.

Банковские акции действительно сильно поднялись в 1982 г., и я получил около 50 % прибыли по своим акциям. Некоторым из наиболее активных банков удалось привлечь дополнительный капитал. Если бы процесс привлечения капитала путем продажи акций с премией сверх номинальной стоимости стал стабильным, то банки могли бы устойчиво расширяться и эволюция банковской системы следовала бы модели, близкой к равновесной. Этот процесс едва начался, когда в 1973 г. произошел первый нефтяной кризис. Набирала силу инфляция, процентные ставки росли, и дохода в размере 13 % на капитал было уже недостаточно, чтобы позволить банкам продавать акции с премией. Одним из последствий первого нефтяного кризиса было значительное увеличение потока средств, поступающих в нефтедобывающие страны. Это было началом периода поглощения нефтедолларов и великого бума международных займов 1970-х гг., который закончился мексиканским кризисом в 1982 г. Как видите, банковская система Соединенных Штатов также прошла от одной крайней точки до другой, упустив возможность войти в 1972 г. в период роста, близкого к равновесному. Подъем и спад банковской системы Соединенных Штатов шли параллельно подъему и спаду Советского Союза.

* * *

В реальном мире очень редко можно встретить явные последовательности подъемов и спадов. Как советская система, так и банковская система Соединенных Штатов были достаточно значительными и достаточно изолированными системами. Они обе поэтому обладали признаками полномасштабных последовательностей подъемов и спадов. В этом и заключается их сходство. Они интересны как теоретические примеры, поскольку показывают, что чередование подъема и спада не просто ведет от состояния, близкого равновесному, к динамическому дисбалансу. В эту смену состояний может также включаться статическая нестабильность. В этом случае период ускорения проявляется как период повышенной жесткости. Но не надейтесь встретить много примеров полномасштабных подъемов и спадов в реальном мире. Таких примеров очень немного, а если они и есть, то достаточно далеки друг от друга. Системы действуют не в изоляции. Каждая система имеет подсистемы и является сама частью более крупной системы, называемой реальностью. Различные системы и подсистемы взаимодействуют друг с другом.

Недавно в науке начало развиваться новое направление, называемое теорией сложности, теорией эволюции систем, или теорией хаоса. Для понимания исторического процесса этот подход намного полезнее, чем традиционный аналитический. К сожалению, глядя на мир, мы в большей степени руководствуемся аналитическим научным подходом, чем следовало бы для нашей же пользы. Экономика стремится быть аналитической наукой. Но все исторические процессы, включая динамику финансовых рынков, являются комплексными и не могут быть поняты на основе аналитического научного подхода. Нам необходим абсолютно новый подход, и моя теория рефлексивности является лишь первым шагом в этом направлении. К модели подъемов и спадов не следует относиться слишком серьезно. Она нужна лишь для иллюстрации и не должна использоваться в качестве формы, которой реальность якобы должна соответствовать. Одновременно происходит много различных процессов, одни – динамические, другие – статические, а некоторые – почти равновесные. Взаимодействие между ними дает начало дальнейшим процессам, которые подразделяются на те же самые категории.

* * *

Западным демократиям было вполне по силам замедлить дезинтеграцию Советского Союза и заложить основы открытого общества прежде, чем закрытое общество потерпит крах. Для этого потребовалось бы лишь некоторое позитивное усиление горбачевской политики гласности и перестройки. Он страстно этого желал. Он наивно полагал, что, если он начнет действовать, свободный мир придет ему на помощь. Но западным правительствам не хватило прозорливости и политической воли. Весной 1989 г. на Потсдамской конференции по вопросам безопасности и сотрудничества между Востоком и Западом я предложил новую версию плана Маршалла. В этот раз план должен был финансироваться главным образом европейскими странами. Это предложение было «найдено забавным», как сообщала газета Frankfurt Allgemeine Zeilnung. Если бы к нему отнеслись более серьезно, история могла бы пойти иным путем.

Еще в 1988 г. я предложил советским властям организовать группу экспертов для проработки возможности организации того, что я назвал «открытым сектором» в советской экономике. Я не был так хорошо известен, как сегодня; я был практически никто; тем не менее я получил позитивный ответ. Следует признать, что сотрудничество советских властей было

в лучшем случае непродуманным, но, когда я настоял, премьер-министр Рыжков издал приказ, обязавший соответствующих официальных лиц участвовать.

Я думал о создании ориентированного на рынок сектора в рамках централизованно планируемой экономики, сектора, не слишком отделенного от потребителя и не слишком глубоко встроенного в производственную цепочку. Например, пищевой промышленности. Я думал создать своего рода зародыш рыночной экономики, который мог бы расти в рамках централизованно планируемой экономики. Понадобилось лишь несколько встреч, чтобы понять: организм «матери» был слишком болен и не мог поддерживать здорового эмбриона.

* * *

Помощь Запада могла замедлить процесс дезинтеграции. Она могла дать людям ощущение улучшения их материального состояния и создать опору для экономических реформ. Это потребовало бы немногого. Например, знакомство с «тампексами» породило бы огромный энтузиазм среди женщин, которым приходилось использовать более примитивные гигиенические средства; а электроника помогла бы вдохновить молодое поколение. В то время, о котором я говорю, Советский Союз все еще имел первоклассный кредитный рейтинг, поскольку он всегда пунктуально выплачивал все задолженности. В те годы Советский Союз занимал миллиарды долларов.

Почему это не привело к желаемым результатам? Потому что не было соответствующих условий или, более точно, предложенные условия служили интересам заимодавцев, а не получателей. Германия предоставила заем в десятки миллиардов, чтобы получить согласие Горбачева на объединение Германии. Но никто не подумал о последствиях этого для советской экономики. Если бы заимодавцы настояли, то они могли бы диктовать любые условия, если бы только хотели. Советские власти с нетерпением ждали, чтобы им сказали, что нужно делать. Я, конечно, видел это в связи с деятельностью группы по «открытому сектору», но не мог устанавливать соответствующие условия, поскольку не предоставлял займов в миллиарды долларов. Я бы поставил эти условия и добился введения их на практике. В тот момент следовало вмешаться. Это получило бы должную оценку.

* * *

Я не стремлюсь к дешевой популярности, когда я говорю, что было бы лучше, если бы Советский Союз не распался, точно так же, как было бы лучше, если бы не распалась Югославия. Это сделало бы возможным переход от тоталитарной системы к свободной демократической. Были бы требования автономии, и в итоге выделилась бы, например, независимая Украина, но это происходило бы в течение более длительного периода времени. Украина после получения независимости была бы более стабильной и жизнеспособной страной. Для того чтобы прийти в мир жизнеспособным, зародышу необходимо 9 месяцев. Новые страны, возникшие из Советского Союза, не имели достаточно времени для развития. Их появление на свет было преждевременным, и остается лишь гадать, смогут ли они выжить.

Я горячо поддерживал так называемый план Шаталина, известный как «Программа 500 дней». Я принимал в нем участие с самого начала. Я встречался с Николаем Петраковым, экономическим советником Горбачева, в тот день, когда была сформирована рабочая группа. Я организовал возможность критического изучения этого плана группой крупнейших международных экономистов, спонсировал группу юристов, которые содействовали разработке необходимой законодательной базы, в 1990 г. я привез группу разработчиков этого плана под руководством Григория Явлинского на ежегодную сессию Международного валютного фонда и Всемирного банка в Вашингтоне.

Идея, на которой был основан план Шаталина, состояла в том, чтобы Советский Союз передал суверенитет республикам, а в то же время республики передали некоторые элементы суверенитета новому органу – Межреспубликанскому совету. В теории он должен был заменить Советский Союз союзом нового типа, который был бы больше похож на Европейский союз. На практике это противопоставило бы новый орган, Межреспубликанский совет, старым советским властям. Поскольку отрицательное отношение к старому политическому центру было практически всеобщим, новый политический центр получил бы всеобщую поддержку, борясь со старым.

Это была чудесная политическая идея, которая не была должным образом понята. Получи она международную поддержку, я уверен, Горбачев поддержал бы этот план. Даже без поддержки Запада этот план было легко воплотить. Я помню, как Леонид Абалкин рассказывал мне, каким образом ему удалось настроить Горбачева против плана. Горбачев должен был бы быть тринадцатым членом Совета, объединяющего двенадцать республик. У каждого члена Совета, кроме него, была бы твердая территориальная опора; следовательно, он стал бы наименее влиятельным членом Совета. Этот аргумент решил дело. Но годом позже Ельцин использовал Российское государство в качестве основы для свержения Горбачева и роспуска Советского Союза. Если бы Горбачев принял план Шаталина, он мог бы остаться на своем посту, а Советский Союз мог бы быть реформирован, а не распущен.

Кризис в России

Экономика России похожа на безголового осьминога (из книги Дж. Сороса «Сорос о Соросе. Опережая перемены»)

Случилось так, что распад Советского Союза совпал с годами величайшего успеха для Quantum Fund. Суммы, которые я получал, превышали способность фондов рационально их тратить. Комбинация революционных возможностей с избыточными финансовыми ресурсами имела огромный потенциал. За 5 лет сеть фондов значительно выросла. Скорость ее роста значительно опередила рост Quantum Fund.

Мы действовали на основе того, что Янош Корнай называет «мягкими бюджетными ограничениями», которые имеют катастрофические последствия для экономики страны, но в фонде могут творить настоящие чудеса. Задачи фонда в некотором смысле противоположны задачам бизнеса. Основная цель бизнеса – прибыль, в фонде важен способ расходования денег. Используя мягкие бюджетные ограничения, фонды могут сконцентрироваться на том, что действительно важно.

У меня были дружеские отношения с Егором Гайдаром, и я был готов помочь ему, но я пришел к заключению, что реформы двигались в ложном направлении практически с самого начала. В апреле 1992 г. я обнаружил, что предприятия накопили счета к оплате в объеме примерно половины объема промышленного производства. Это означало, что примерно половина объема промышленного производства исключалась из финансового контроля, что как раз было краеугольным камнем политики Гайдара. Половина промышленных предприятий игнорировала финансовые сигналы и продолжала производить в соответствии со старой системой «государственного заказа», невзирая на то, оплачивается работа или нет. Это было шокирующим открытием. Я спорил с Гайдаром, когда он, будучи в Нью-Йорке, приехал однажды вечером ко мне. Но он признал это. Затем он произнес чрезвычайно оптимистическую речь в Вашингтоне. Я начал утверждать открыто, что западная помощь должна привязываться к созданию сети социального страхования. Это позволило бы российскому правительству объявлять банкротами предприятия, которые не слушались финансовых сигналов. Мое предложение не имело поддержки.

* * *

Русский фонд – это особая история. Мог бы написать об этом книгу. Хочу лишь сказать: я хотел, чтобы он лидировал в революции, а он запутался в ней. Он прошел через такой же революционный кризис, как и все российское общество.

Я начал организовывать Русский фонд, вернее Советский фонд, в 1987 г. Я впервые отправился в Москву туристом, надеясь убедить Андрея Сахарова возглавить фонд. Он настойчиво отговаривал меня, поскольку был убежден, что деньги в итоге окажутся в подвалах КГБ. Но я настаивал, и мне удалось собрать правление фонда. Это было действительно весьма странное собрание, включавшее людей, которые в иной ситуации вообще не стали бы разговаривать друг с другом: с одной стороны, историк Юрий Афанасьев и социолог Татьяна Заславская, а с другой – писатель Валентин Распутин, который позже стал крайним националистом. О подобной группе невозможно было бы сегодня и думать.

Управление фонда Культурной инициативы, так он назывался, попало в руки реформистской клики комсомольских работников, и для развития открытого общества они продолжали формировать закрытое общество. Я попытался работать с ними, в надежде побудить их быть менее предвзятыми, но они не могли преодолеть свой советский менталитет. Когда я понял это, мне пришлось организовать небольшой «путч», чтобы удалить их. Это произошло как раз перед настоящим путчем августа 1991 г. Но человек, который организовывал это, мой юрист в Москве, затем превратил фонд в собственную вотчину, поэтому мне пришлось провести второй «путч», чтобы избавиться и от него.

Деятельность фонда почти прекратилась, пока мы не начали осуществлять наш Трансформационный проект – масштабную программу по замене марксизма-ленинизма в школах и университетах. При полной поддержке министерств мы добились огромных успехов в течение короткого периода времени – начали работу почти над тысячей новых учебников, переподготовку директоров школ, предоставляли гранты новаторским школам, вводили новые программы по экономике, спонсировали молодежные достижения. Проект был столь успешным, что я решил вложить в него более значительные суммы. И это стало причиной следующего кризиса. Это случилось на пике грабительского капитализма в первой половине 1994 г., когда акции российских предприятий были розданы по программе массовой приватизации, и их можно было купить за копейки. Деньги были в чрезвычайном дефиците, и наименее надежные банки платили 10 % в месяц по долларовым вкладам. Те, у кого были деньги, стремились их вложить. Очевидно, искушение для управляющих программами стало слишком большим: мы обнаружили огромный банковский депозит – примерно 12 миллионов долларов – в весьма ненадежном банке. И хотя мы нашли деньги и не понесли никакого ущерба, мы провели серьезную аудиторскую проверку. Мы избавились от ключевых работников, но фонд до сих пор не оправился от потрясений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.